

ГИПОТЕЗЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-3-76-83

И. С. Юхнова¹

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород)

О НЕКОТОРЫХ ПОДТЕКСТАХ «ЗАМЕТКИ О «ГРАФЕ НУЛИНЕ»» А. С. ПУШКИНА

В статье развивается мысль о насыщенности цитатно-аллюзийного слоя «Заметки о «Графе Нулине»» Пушкина – подробно рассматривается ее сходство с «мыслью» Б. Паскаля о «носе Клеопатры». Показано, что оно проявляется в тождественности хода мыслей, характере взаимосвязи малых причин и глобальных последствий, а также иронической модальности обеих заметок. В статье высказывается и обосновывается идея, что паскалевский способ парадоксального сближения разнородных явлений сказывается в композиции стихотворений Пушкина мадригального типа, а также в характере развития событий в «Пиковой даме».

Ключевые слова: Пушкин, Блез Паскаль, поэтика, композиция, «Заметка о «Графе Нулине»»

I. S. Yukhnova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

SOME SUBTEXTS OF ALEXANDER PUSHKIN'S «NOTES ON "COUNT NULIN"»

The article explores the idea of quotation-allusion layer depth of Pushkin's «Notes on "Count Nulin"». The article closely examines its resemblance to B. Pascal's "thought" about "the Cleopatra's nose". The author demonstrates that it appears in similarities of the ways of thought, the nature of the relationship between small causes and global consequences as well as ironic modality of both notes. The article expresses and substantiates the idea that Pascal's way of paradoxical convergence of heterogeneous phenomena is reflected in the composition of Pushkin's madrigal-type poems, as well as in the nature of the development of events in "The Queen of Spades".

Keywords: Pushkin, Blaise Pascal, poetics, composition, "Note on "Count Nulin"», citation

История обнаружения и изучения пушкинской «Заметки о «Графе Нулине»» не менее интриγουща и увлекательна, чем история изучения самой поэмы. Существуют работы, в которых высказываются предположения, какую цель преследовал Пушкин, когда писал ее, чем в итоге должен был стать этот текст: предисло-

¹ Ирина Сергеевна Юхнова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород), руководитель центра по изучению наследия А. С. Пушкина (г. Нижний Новгород); e-mail: yuhnova@flf.unn.ru.

вием к поэме, комментарием к ней, ключом к ее прочтению; выдвигаются версии по поводу ее возможной публикаторской судьбы [Гордин, 1962; Есипов, 1996; Лотман, 1995; Эйхенбаум, 1969]. Так или иначе, благодаря этой заметке, саму поэму «Граф Нулин» стали прочитывать как произведение многослойное, имеющее ряд подтекстов, поэтому мнению Г. А. Гуковского о том, что «в поэме содержится бытовой анекдот – и только...» [Гуковский, 1948, с. 79], давно воспринимается как несостоятельное.

Игнорировать упоминание шекспировской «Луcreции», первоначальное название поэмы «Новый Тарквиний», указание автора на ее пародийную природу, а также на даты работы над произведением после этой заметки было уже невозможно. Тем более что все более очевидной становится ее цитатно-аллюзийная насыщенность – в поэме находят многочисленные скрытые и явные цитирования. Так, например, фразу «Бывают странные сближения» Ю. М. Лотман возводит к Стерну и Плутарху и рассматривает ее как цитату [Лотман, 1995]. С. А. Кибальник указывает как сходство пушкинской заметки с «Несведущим философом» Вольтера (XXVI глава) (в другом переводе – «Незнающий философ») [Кибальник, 1995, с. 61]. В статье «Тема случая в творчестве Пушкина» исследователь восстанавливает «комплекс философско-исторических идей, под влиянием которого Пушкин находился в период создания поэмы» [Кибальник, 1995, с. 63], и особое внимание уделяет восприятию Пушкиным теории «мелких причин великих последствий». С. А. Кибальник называет авторов, последователей этой идеи, которые входили в круг интеллектуальных интересов поэта: Вольтера, а также упоминает имя еще одного французского философа Блеза Паскаля и объясняет обращение Пушкина к его «Мыслям», с одной стороны, интересом поэта к французской афористике, с другой – тем, что Вольтер часто вступает в полемику с Паскалем. Вот так через своего рода посредничество Вольтера Паскаль входит в полемическое поле данной заметки. С. А. Кибальник указывает и на то, что «отдельные из [«мыслей» Паскаля] весьма напоминают иронически представленное в “Заметке о «Графе Нулине»” историческое предположение самого Пушкина» [Кибальник, 1995, с. 64], и приводит два афоризма – о песке в мочеточнике Кромвеля и о носе Клеопатры. Это указание для нас важно, но первый афоризм оставим без внимания, а ко второму присмотримся пристальнее.

Приведем текст Б. Паскаля (в переводе Э. Фельдман-Линецкой): «Чтобы до конца уяснить себе всю суетность человеческой природы, довольно вдуматься в причины и следствия любви. Причина ее – “неведомо что” (Корнель), а следствия ужасны. Это “неведомо что”, эта малость, которую и определить-то невозможно, сотрясает землю, движет монархами, армиями, всем миром.

Нос Клеопатры: будь он чуть покороче, весь облик Земли был бы сегодня иным» [Паскаль, 1999, с. 65].

Что сразу же обращает на себя внимание? Тождественность хода мыслей Паскаля и Пушкина, характер взаимосвязи малых причин и глобальных последствий, а также ироническая модальность обеих заметок. Но если у Паскаля речь идет

о «причинах и следствиях любви», о «суетности человеческой природы», а движителем мировых процессов выступают любовь, страсть, женская красота, то у Пушкина, скорее, любовные страсти оказываются инструментом, но не первопричиной.

Отметим еще один важный нюанс. У Паскаля речь идет о «носе Клеопатры». Это атрибут женской красоты. Причем, совершенной женской красоты. Для Паскаля есть некая мера в определении совершенства, «пропорция», благодаря которой красота и воспринимается как совершенная, воздействующая на человека фатальным образом, так, что изменяется и ход большой истории, и его личная история. Получается, что человек действует, руководствуясь не разумом, логикой, личной волей, а под воздействием иных – сторонних, внешних и даже иррациональных – импульсов. У Пушкина же красота, привлекательность и добродетельность Лукреции вынесены за скобки, акцент сделан на действии – «дала пощечину». То есть ему важен поступок как форма появления воли и характера в сопряжении со случаем.

Важна и разная модальность высказываний: у Паскаля выстраивается прямая зависимость: «...будь [нос] ... – облик Земли был бы иным»; у Пушкина появляется «может быть» – то есть намечается возможность многовариантного развития событий.

Как видим, перекличка двух записей очевидна. И на это созвучие, на возможное влияние «Мыслей» Блеза Паскаля на логику мысли Пушкина, как было отмечено выше, указал С. А. Кибальник в статье 1995 года. Данная работа была в определенном смысле рубежной, так как в пушкинистике существовало убеждение, что Паскаль находился вне сферы интеллектуальных устремлений Пушкина, потому что его имя упоминается поэтом всего лишь один раз. Характерно, как Паскаль был представлен в справочно-словарных изданиях, посвященных творчеству поэта. В «Путеводителе по Пушкину», например, есть статья о нем. И ее содержание весьма характерно, так как оно составлено из идеологических штампов. В частности, в ней указывается, что Блез Паскаль «представитель враждебного иезуитской реакции направления в католицизме. <...> Его «Мысли» ... представляют наброски и заметки для большого незаконченного сочинения в защиту религии» [Путеводитель, 1931, с. 271]. Безусловно, на характер подачи сведений о Паскале в ней влияет эпоха – «Путеводитель» вышел в 1931 году. Но им, во-первых, активно пользуются, во-вторых, он был переиздан в 2009 году, в-третьих, в других изданиях Паскаль вообще не был удостоен упоминаний. Поэтому наблюдение С. А. Кибальника стало крайне важным. Собственно, после него и начинается переосмысление характера диалога Пушкина с наследием Паскаля. Итоговой в этом отношении стала статья И. З. Сурат «Пушкин и Паскаль», опубликованная в 2005 году в «Пушкинском сборнике». Исследовательница убедительно оспорила утвердившееся мнение о том, что Пушкин не читал Паскаля, и доказала, что, хотя упоминание имени философа-энциклопедиста у Пушкина единичное, реальное присутствие Паскаля в творчестве поэта, развитие его идей имеет более глубокий характер, чем это представляется на первый – поверхностный – взгляд. В част-

ности, И. З. Сурат обнаруживает сходство с «Мыслями» Паскаля в том, как Пушкин понимает сущность прозы, находит прямые отсылки к Паскалю в стихотворениях «Безверие» и «Аквилон». И это важно, так как эти произведения появляются у Пушкина на разных этапах его жизни: «Безверие» Пушкин читал на выпускном экзамене в Лицее 17 мая 1817 года, «Аквилон» при публикации Пушкин датировал 1824 годом, но Б. Н. Томашевский считает, что оно было написано годом позже [Томашевский, 1977, с. 375]. А это значит, что Паскаль входит в круг размышлений поэта еще в Лицее, а затем так или иначе присутствует в его сознании на протяжении долгого времени, в том числе в Михайловской ссылке.

Единственное упоминание имени Паскаля, о котором шла речь выше, – это цитирование Пушкиным одной из «мыслей» французского философа в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», увидевших свет в альманахе «Северные цветы» на 1828 год: «“Все, что превышает геометрию, превышает нас”, сказал Паскаль. И в следствии того написал свои философические мысли!» [Пушкин, т. 7, с. 40]². А ниже появляется рассуждение Пушкина о вдохновении, ассоциативно связанное с «мыслью» Паскаля, так как речь в нем снова идет о геометрии, о глубоком родстве диаметрально противоположных способов постижения действительности: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» (т. 7, с. 41). Смысл этой заметки раскрыл М. П. Алексеев, связавший ее с ранними, еще лицейскими стихотворениями Дельвига и Кюхельбекера и спорами Пушкина с ними о природе вдохновения [Алексеев, 1956, с. 22]. Однако позже были выявлены и другие упоминания имени Паскаля Пушкиными. А. В. Пустовит даже высказал спорное предположение, что именно Паскаль повлиял на движение поэта от скептицизма к религиозности, и обнаружил созвучие идей в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный» с одним из размышлений Паскаля [Пустовит, 2015, с. 29].

И. З. Сурат установила, по каким изданиям Пушкин мог читать Паскаля, и охарактеризовала специфику диалога Пушкина с французским философом. Как доказала исследовательница, «почти все точки соприкосновения между [Пушкиным и Паскалем] относятся к способу выражения мыслей» [Сурат, 2005, с. 174].

В связи с этим обратимся еще к одному совпадению в «способе выражения мыслей» у Пушкина и Паскаля. Возможно, Пушкин воспринимает и творчески интерпретирует конструктивный прием Паскаля парадоксального соотношения малого и глобального, который проявляется в том, как развивается мысль в пушкинских миниатюрах мадригального типа. Ярким примером реализации этого приема стали два стихотворения, относящиеся к разным периодам творчества Пушкина: «Краев чужих неопытный любитель...» (1817) и «Город пышный...» (1828). В них происходит резкий перелом в риторике и оценке действительности: от пафоса гражданского отрицания к приятию только что отвергаемой реальности.

² Произведения А. С. Пушкина цитируются по этому изданию. Далее номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

В стихотворениях как бы сталкиваются ценности гражданина и ценности частного человека, соотносится всеобщее, глобальное и частно-интимное, большое и малое. При этом, как и у Паскаля, решающее значение имеет женская красота, вот только ее атрибутом у Пушкина становится не «нос», а «ножка», «локон золотой» («Город пышный...»), не менее важен и сам факт встречи с женщиной («Краев чужих...»), очарование которой если не «оправдывает» диссонансы жизни, то во всяком случае указывает на наличие в ней другого – гармонического – начала. Так через столкновение жизненных контрастов создается художественное равновесие, «которое в самом себе уже содержит некое приятие жизни» [Альми, 2008, с. 98]. В. Д. Сквозников, анализируя стихотворение «Город пышный», особое внимание уделяет тому, что противоречие, обозначенное в нем, не разрешено, а «оставлено открытым, поставив лицом к лицу две несомненные данности жизни» [Сквозников, 1965, с. 63]. То есть для Пушкина сопряжение таких полярных сторон жизни служит «диалектическому восполнению картины мира» [Грехнёв, 1991, с. 148], а неожиданный, парадоксальный финал перестраивает «всю перспективу изображения» [Грехнёв, 1991, с. 146]. Так стихотворения, воссоздающие структуру мадригала, приобретают не свойственные этому жанру подтексты, выявляет «новые связи вещей, порой, казалось бы, несопрягаемых...» [Грехнёв, 1991, с. 148].

Подобные повороты – вторжение случая, который предстает как явление привлекательной девушки, – можно наблюдать и в пушкинской прозе. Так происходит в «Пиковой даме», когда Германн, захваченный рассказом Томского, случайно оказывается у дома графини. Финальное предложение в этом фрагменте («Эта минута решила его участь», т. 6, с. 220) – почти литературный штамп, общее место, характерное для романтической прозы, как и упоминание о «неведомой силе», которая направляла действия Германна, – оно явно отсылает к готической прозе. И если бы «Пиковая дама» была только лишь повестью в готическом духе, то сочетание иррациональных сил и девичьей красоты вовлекло бы героя в водоворот страшных и мистических событий, вело его к неизбежному концу, и это было бы именно внешнее воздействие иррациональных, демонических сил на героя, которые подчиняют себе его волю. Герой утрачивал бы свободу выбора поступка, действия. Но Германн у Пушкина не оказывается во власти девичьих чар, не они вовлекают его в процесс игры с судьбой. «Свежее личико и черные глаза» для него не цель, а средство, инструмент. Когда Германн видит Лизавету Ивановну в окне, в его сознании выстраивается алгоритм действий для овладения тайной трех карт, который и реализует Германн. Им движет его личный «расчет», а не иррациональное воздействие внешних сил. При этом важно слово «участь», которым заканчивается предложение. Оно уже в момент оформления решения предсказывает обреченность героя, тупиковость избранного им пути, ведь чаще всего слово «участь» сопровождается определениями «печальная», «горькая», «несчастливая». Рассказ Томского запускает воображение Германна, встреча с Лизаветой Ивановной определяет его путь к достижению цели, но все же в основе всего – тип личности Германна, наделенного «сильными страстями и огненным воображением»

(т. 6, с. 219). Но так или иначе, малая причина – мимолетное явление женской красоты – оказалась способной кардинально переменить участь Германна, который пренебрег своими же принципами, отказался от «расчета, умеренности и трудолюбия» как программы, позволяющей достичь чаемой жизненной цели.

Таким образом, очевидно созвучие в структуре «Заметки о “Графе Нулине”» и «мысли» Б. Паскаля о «носе Клеопатры». И. З. Сурат отмечала, что «Паскаль не только много думал и высказывался в близком Пушкину духе о способе выражения мыслей, но ... он дал в «Мыслях» эталон той именно прозы, программу которой сформулировал Пушкин ... в ... недописанной статье “О прозе”» [Сурат, 2005, с. 173]. Наши наблюдения становятся подтверждением вывода. Более того, прием парадоксального сопряжения явлений находит воплощение также и в лирике Пушкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, М. П. Пушкин и наука его времени: (Разыскания и этюды) / М. П. Алексеев // Пушкин: Исследования и материалы. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. – С. 9–125.

Альми, И. Л. Из истории миниатюры первых десятилетий XIX века: Пушкин / И. Л. Альми // Болдинские чтения 2008. – Нижний Новгород: ВекторТис, 2008. – С. 91–103.

Гордин, А. М. Заметка Пушкина о замысле «Графа Нулина» / А. М. Гордин // Пушкин и его время. – Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – Вып. 1. – С. 232–245.

Грехнёв, В. А. Этюды о лирике А. С. Пушкина / В. А. Грехнёв. – Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. – 191 с.

Гуковский, Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. – Москва: ОГИЗ ГИХЛ, 1948. – 436 с.

Есипов, В. М. О замысле «Графа Нулина» / В. М. Есипов // Московский пушкинист. – Москва: Наследие, 1996. – Вып. II. – С. 7–29.

Кибальник, С. А. Тема случая в творчестве Пушкина / С. А. Кибальник // Пушкин: Исследования и материалы. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – Т. 15. – С. 60–75.

Лотман, Ю. М. Три заметки к пушкинским текстам / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960 – 1990; «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. – С. 335–339.

Паскаль, Б. Мысли [пер. с фр. Э. Фельдман-Линецкой] / Б. Паскаль. – Санкт-Петербург: Азбука, 1999. – 335 с.

Пустовит, А. В. Пушкин и западноевропейская философская традиция / А. В. Пустовит. – Киев: ДП «Изд. дом «Персонал», 2015. – 408 с.

Путеводитель по Пушкину. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во художественной литературы, 1931. – 399 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.

Сквозников, В. Д. Стиль Пушкина / В. Д. Сквозников // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стиль. Произведение. Литературное развитие. – Москва: Наука, 1965. – Т. 3. – С. 60–97.

Сураг, И. З. Пушкин и Паскаль / И. З. Сураг // Пушкинский сборник. – Москва: Три квадрата, 2005. – С. 168–183.

Томашевский, Б. В. Примечания / Б. В. Томашевский // Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 2. Стихотворения, 1820 – 1826. – 1977. – С. 353–389.

Эйхенбаум, Б. М. О замысле «Графа Нулина» / Б. М. Эйхенбаум // Эйхенбаум, Б. М. О поэзии. – Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отд-е, 1969. – С. 169–180.

REFERENCES

Alekseev, M. P. Pushkin i nauka ego vremeni: (Razyskaniya i etyudy) / M. P. Alekseev // Pushkin: Issledovaniya i materialy. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. – Т. 1. – С. 9–125.

Al'mi, I. L. Iz istorii miniatyury pervyh desyatiletij XIX veka: Pushkin / I. L. Al'mi // Boldinskie chteniya 2008. – Nizhnij Novgorod: VektorTiS, 2008. – С. 91–103.

Ejhenbaum, B. M. O zamysle «Grafa Nulina» / B. M. Ejhenbaum // Ejhenbaum, B. M. O poezii. – Leningrad: Sovetskij pisatel', Leningradskoe otd-e, 1969. – С. 169–180.

Esipov, V. M. O zamysle «Grafa Nulina» / V. M. Esipov // Moskovskij pushkinist. – Moskva: Nasledie, 1996. – Vyp. II. – С. 7–29.

Gordin, A. M. Zametka Pushkina o zamysle «Grafa Nulina» / A. M. Gordin // Pushkin i ego vremena. – Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1962. – Vyp. I. – С. 232–245.

Grekhnyov, V. A. Etyudy o lirike A. S. Pushkina / V. A. Grekhnyov. – Nizhnij Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izd-vo, 1991. – 191 s.

Gukovskij, G. A. Pushkin i problemy realisticheskogo stilya / G. A. Gukovskij. – Moskva: OGIZ GIHL, 1948. – 436 s.

Kibal'nik, S. A. Tema sluchaya v tvorchestve Pushkina / S. A. Kibal'nik // Pushkin: Issledovaniya i materialy. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. – Т. 15. – С. 60–75.

Lotman, Yu. M. Tri zametki k pushkinskim tekstam / YU. M. Lotman // Lotman, YU. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960 – 1990; “Evgenij Onegin”: Kommentarij / YU. M. Lotman. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 1995. – С. 335–339.

Paskal', B. Mysli [per. s fr. E. Fel'dman-Lineckoj] / B. Paskal'. – Sankt-Peterburg: Azbuka, 1999. – 335 s.

Pustovit, A. V. Pushkin i zapadnoevropejskaya filosofskaya tradiciya / A. V. Pustovit. – Kiev: DP «Izd. dom «Personal», 2015. – 408 s.

Putevoditel' po Pushkinu. – Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo hudozhestvennoj

literatury, 1931. – 399 s.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977–1979.

Skvoznikov, V. D. Stil' Pushkina / V. D. Skvoznikov // Teoriya literatury. Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii. Stil'. Proizvedenie. Literaturnoe razvitie. – Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1965. – T. 3. – S. 60–97.

Surat, I. Z. Pushkin i Paskal' / I. Z. Surat // Pushkinskij sbornik. – Moskva: Tri kvadrata, 2005. – S. 168–183.

Tomashevskij, B. V. Primechaniya / B. V. Tomashevskij // Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977–1979. – T. 2. Stihotvoreniya, 1820–1826. – 1977. – S. 353–389.